

Утро началось в семь с отжимания, пробежка опять в пролете — зима на дворе. Поприседав и пооджимавшись, я решил сегодня больше себя не утруждать, день и так должен быть насыщен. После душа меня ждал прекрасный завтрак в виде долгожданных оладушек со сметаной. Бабушка, как же я тебя люблю. После чего, подобрав темные брюки и темный верх, свитер не стал одевать надел темное драповое пальто, и осмотрев себя в зеркале я остался доволен. Из того, что я видел в шкафу, это выглядело лучше всего. Мы решили выйти чуть пораньше и тихим прогулочным шагом пошли навстречу, тем более идти всего минут пятнадцать-двадцать. Квартира дедушки была на Скатертном переулке. Вчера, возвращаясь с больницы, я не особо разглядывал старую Москву, а вот сейчас, пока шли, обратил внимание. Что я вам могу сказать, город серый, особенно сейчас, когда зима на улице, и наверное, самое главное для автолюбителей — это свободное движение, а не забитые предтротуарные зоны. Люди также спешат на работу, одеты, правда, в большинстве, как и я, в драп. Дом звукозаписи встретил нас своей монументальностью, дом своей эпохи, семь этажей сталинской постройки. На проходной сидел пожилой мужчина, который сначала потребовал документ и у меня, но узнав, что мне всего пятнадцать, смиростивился и искал в пропусках наши имена, а когда нашел, отправил на четвертый этаж, где репетировал ансамбль песни и пляски имени Александрова. Я замер и даже не заметил, как ко мне подошли Анна и Игорь.

— Саша, ты чего застыл? — поинтересовалась Шилова.

— А? — это судьба, я должен их уговорить еще помочь мне исполнить песню. — Простите, просто я вдруг понял, что мне надо как-то уговорить Александрова Бориса Александровича, чтобы его хор и оркестр помог исполнить одну песню, а лучше две, познакомьте меня с ним пожалуйста.

Я уже приготовился использовать самое страшное оружие — глаза кота из Шрека, — когда сзади раздался смешок бабушки, я повернулся и уставился вопросительно на нее.

— Да не смотри так на меня, просто ты, наверное, забыл, что сам знаком с Борей, он к нам приходил пару раз, правда, тогда тебе было лет шесть и ты звал его дядя Боря.

Я порыскал в памяти, и точно, он и в мои восемь приходил, они с дедом сидели в его кабинете, после чего веселыми расходились. Бабушки тогда не было дома — компромат, — улыбнулся сам своей шутке.

— Точно, вспомнил, они дружили с дедом.

— Ну с дедом он дружить начал уже после меня, а так да, — бабушка как-то романтично улыбнулась, что-то вспомнив.

— Аннушка, — раздался голос сзади меня. Повернувшись, я увидел, как к нам шел быстрым шагом Александров, разведя руки в стороны для объятий. — Как мы давно не виделись.

Борис обнял нежно бабушку и как-то даже мило поцеловал ее в щеку.

— А кто в этом виноват, как умер Владимир, ты больше и не приходил, — в голосе бабушки сквозила обида.

— Прости, я вначале все порывался прийти, но... — как-то замялся полковник.

— Ладно, я уже не сержусь, надеюсь, теперь-то тебе ничего не будет мешать?

— Нет, уже ничего, — грустно ответил Борис. — Софочка оставила меня полтора года назад, инфаркт, как и у Владимира.

— Ой, прости Боренька, — обняла его бабушка, — я не знала.

— Все нормально, я уже свылся, — Борис окинул взглядом нас всех и остановил глаза на мне.

— Неужели это Сашка? А как вымахал, а глаза твои, глазища, были глаза — погибель мужиков, теперь и нам есть, чем вам ответить. Небось девки стаями вьются вокруг.

— Здравствуйте, дядя Боря, — вежливо поздоровался. — Да откуда? Никто не вьется.

— Врет, — припечатала бабушка, вызвав смех и Анны с Игорем и Бориса. — Вьются еще как, а

с недавних пор я жду, когда начнут квартиру осаждать по всем правилам военной науки. Он же мало того, что красавцем вырос, так еще и поет, и ладно, если бы только в душе, так нет, вот выступать его позвали на двадцать третье февраля и восьмое марта.

— Надо же, я хочу послушать, — и повернулся к нам боком, указывая мне при этом на сцену. — Ты же не откажешь?

— С удовольствием, тем более у меня к вам просьба будет, — и пошел к сцене.

Я спел вначале «Два орла» под свой аккомпанемент на рояле, и сразу за ней спел «С чего начинается Родина».

— Саша, не ожидал, правда, не ожидал, — Борис Александрович поднялся на сцену и схватил за плечи. — Талант, и песни великолепные, особенно про Родину, но и первая за душу цепляет, и голос, который хочется слушать и слушать, права, Аннушка, будут осаждать.

— Вот песню про Родину я хочу отдать Марку Наумовичу, мне кажется, что в его исполнении эта песня будет звучать лучше, — нет, тут никакая совесть не взыграла, просто мне нравится эта песня в его исполнении, а я все равно буду значиться, как автор и композитор, и перед каждой песней будет звучать фамилия Семенов.

— Ну я даже не знаю, и в твоём исполнении песня прекрасно звучит. А вы как думаете, товарищи? — Александров посмотрел на бабушку и Игоря с Анной.

— Если есть такая возможность. и Саша желает этого, то почему бы и нет, — вынесла вердикт бабушка, и телеведущие ее поддержали.

— Ну что же, если вы так решили, то можно ему позвонить, я думаю, тут найдется его телефон. Наверное, чтобы не терять время, я сейчас пойду и свяжусь с ним, — Борис уже хотел уйти, но был остановлен мной.

— Подождите, дядя Боря, я хотел к вам обратиться с просьбой, но перед этим послушайте еще одну мою песню.

А мы с тобой, брат, из пехоты,

А летом лучше, чем зимой.

С войной покончили мы счеты,

С войной покончили мы счеты,

С войной покончили мы счеты, —

Бери шинель, пошли домой!

Война насгнула и косила,

Пришел конец и ей самой.

Четыре года мать без сына,

Четыре года мать без сына,

Четыре года мать без сына, —

Бери шинель, пошли домой!

К золе и к пеплу наших улиц

Опять, опять, товарищ мой,

Скворцы пропавшие вернулись,

Скворцы пропавшие вернулись,

Скворцы пропавшие вернулись, —

Бери шинель, пошли домой!

(Бери шинель, пошли домой <https://www.youtube.com/watch?v=5G2DhyJqbMk>)

— Как? Как ты мог это сочинить? — Александров смотрел на меня и ждал, ждал ответа на то, как мог пятнадцатилетний мальчик сочинить такую песню про войну.

— Я часто говорил с дедом, я часто слушал людей, прошедших войну, я слушал бабушку, которая с такой болью вспоминает это время, и так радуется девятого мая, — я смотрел на него, не отводя взгляда. — Борис Александрович...

— Дядя Боря и никак иначе, — перебил он меня.

— Дядя Боря, мне нужна ваша помощь. Эту песню без хора и оркестра я не вижу.

— До концерта всего неделя, — как-то нервно сказал он, видно было, что в мозгу он ищет способ, как бы успеть.

— У меня почти готовы все партии, их надо только расписать, — полковник посмотрел на меня шокированно.

— Вот ты знаешь, я почему-то верю, что ты сможешь расписать партии, если дать тебе ноты, — посмотрел на Кириллова. — Поступим тогда так: Игорь, вы тогда созвонитесь с Марком Наумычем, а мы сейчас же начинаем работу над песней. Как ты ее, кстати, назвал?

— Так и назвал — «Бери шинель, пошли домой».

<http://tl.rulate.ru/book/61146/1585747>